РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

МОЙ ПОКОЙНЫЙ отецъ былъ другомъ дѣтства и однополчаниномъ извѣстнаго шефа жандармовъ—графа Бенкендорфа, любимца государя Николая Павловича.

Однажды, отецъ, пріѣхавъ къ графу, засталъ его сильно взволнованнымъ. На вопросъ отца, что съ нимъ, графъ сказалъ:

— Я вчера не только потерялъ свои 20 тысячъ, но, что еще гораздо хуже, былъ поставленъ въ ложное и щекотливое положеніе. Ты знаешь В...го?

— Знаю,—отвѣтилъ отецъ.

— А вотъ слушай, въ какую я впутался исторію, только, пожалуйста, не разглашай ее; я не хочу сдѣлаться басней города. Почти всѣ считаютъ В. за величайшаго взяточника, объ немъ говоритъ весь Петербургъ, а между тѣмъ, онъ такъ тонко и умно устраиваетъ свои дѣла, что нѣтъ возможности уличить его въ злоупотребленіяхъ. Съ мѣсяцъ тому назадъ, государь сказалъ мнѣ: «Любезный графъ, до меня стали доходить слухи, что В..., ворочая сенатомъ, дѣлаетъ, что хочетъ и беретъ большія взятки. Не можешь ли ты добыть осязательныя данныя его виновности и тогда онъ получитъ примѣрное наказаніе».

«По пріѣздѣ домой, я потребовалъ одного изъ лучшихъ агентовъ, который, неоднократно исполняя щекотливыя порученія, велъ себя съ большимъ тактомъ и, дѣйствительно, оказывалъ мнѣ

услуги. Изложивъ суть дѣла, я спросилъ его, возьмется ли онъ уличить В., и, получивъ утвердительный отвѣтъ, освободилъ его отъ всѣхъ занятій.

«На-дняхъ, онъ явился ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ, что можетъ представить фактическое доказательство виновности В., если я дамъ ему 20 тысячъ. Слышавъ объ изумительной ловкости В..., я удивился сообщенію агента и потребовалъ полнаго отчета въ его розыскахъ. Суть его доклада заключалась въ томъ, что ему удалось не только познакомиться, но и сойтись на короткую ногу съ однимъ изъ столоначальниковъ того департамента сената, въ которомъ состоитъ В... Чиновникъ любитъ выпить и, во время одной попойки, когда зашла рѣчь о В..., такъ охарактеризовалъ своего начальника: «Врядъ-ли во всей имперіи отыщется такой юристъ, какъ В. Каждую статью гражданскаго закона знаетъ на память, въ какую сторону захочетъ, въ ту и повернетъ. Не подумай, что онъ прибѣгаетъ къ натяжкамъ, ничуть, а все у него выходитъ гладко и на взглядъ строго законно. Ну, зато изъ бѣдняковъ — сдѣлался богачомъ, пожалуй, не одну сотнягу тысячъ имѣетъ.»

«На вопросъ агента, неужели онъ за взятку всякое дѣло повернетъ, онъ получилъ такой отвѣтъ:

— Да вотъ теперь, въ моемъ столѣ находится дѣло Херсонскаго помѣщика Григоренко, проигранное имъ въ уѣздномъ судѣ и въ гражданской палатѣ. Дѣло крупное, идетъ споръ о пяти тысячахъ десятинъ земли. Тягается онъ съ своимъ сосѣдомъ, который этою землею владѣетъ безспорно на правахъ полной собственности двадцать лѣтъ. Выиграть его нѣтъ возможности, а если бы Григоренко надумался, да поклонился нашему В., голову дамъ въ закладъ, что тотъ отыщетъ лазейку и дастъ ему возможность выиграть тяжбу».

«Узнавъ во всѣхъ подробностяхъ суть процесса, агентъ, подъ видомъ Григоренки, явился къ В..., который, выслушавъ его просьбу, приказалъ зайти за отвѣтомъ черезъ три дня. Когда агентъ явился вторично, то В... сказалъ, что трудно оспорить два десятилѣтія давности, но если истецъ не пожалѣетъ 20 тысячъ, то тогда тяжба будетъ рѣшена въ его пользу».

«Мнимый Григоренко изъявилъ согласіе и спросилъ» можно ли завтра доставить ему деньги, на что В... отвѣтилъ, чтобы онъ эту сумму принесъ въ пакетѣ въ ресторанъ Мишеля, противъ Исаакіевскаго собора, куда онъ самъ зайдетъ за полученіемъ ровно въ 12 часовъ дня.

«Окончивъ докладъ, агентъ просилъ меня дать ему эту сумму сторублевыми бумажками, а нумера каждой изъ нихъ записать. Когда В., получивъ взятку, выйдетъ изъ ресторана, надо было его арестовать и, чтобы лишить В. возможности выбросить конвертъ,

необходимо, чтобы офицеръ вмѣстѣ съ нимъ помѣстился въ каретѣ и зорко слѣдилъ за всѣми его движеніями.

«Я выдалъ 20 тысячъ и записалъ нумера. На другой день, во второмъ часу дня, мнѣ доложили, что жандармскій офицеръ задержалъ выходившаго изъ ресторана В. и привезъ его.

«Когда я его пригласилъ въ кабинетъ, онъ вошелъ сильно взволнованный и, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Ваше сіятельство, меня подвергли самому сильному оскорбленію. Занимаемый мной постъ могъ бы послужить гарантіей въ томъ, что я явился бы къ вамъ по вашему требованію, а между тѣмъ, меня схватили какъ преступника и подъ конвоемъ доставили сюда. Вѣроятно, это прискорбное недоразумѣніе, и я надѣюсь, что ваше сіятельство подвергнете виновника моего ареста строгому взысканію».

«Тонъ, которымъ была произнесена рѣчь, былъ очень вызывающій и поэтому я ему сказалъ:

— Ваше превосходительство, тотъ, на кого вы жалуетесь, былъ точнымъ исполнителемъ моего приказанія. Что же касается до меня, то я дѣйствовалъ въ силу высочайшаго повелѣнія».

«Послѣ этихъ словъ, В. смирился и заискивающе спросилъ, въ чемъ его обвиняютъ.

«Узнавъ въ чѣмъ дѣло, В. съ негодованіемъ сказалъ, что онъ жертва самой ужасной клеветы.

— Правда,—прибавилъ онъ,—меня сегодня какой-то помѣщикъ соблазнялъ взяткой въ 20 тысячъ, но я съ негодованіемъ отвергнулъ предложеніе».

«Самоувѣренность В. начала меня смущать, но я все-таки приказалъ его обыскать. Изъ его брюкъ былъ вынутъ бумажникъ съ 48-ю рублями, а изъ бокового кармана пакетъ.

— Теперь ты попался,—промелькнула у меня мысль; но представь себѣ мое положеніе, когда изъ пакета, вмѣсто моихъ сотенныхъ, вынули вчетверо сложенный докладъ по какому-то гражданскому процессу!

«Мнѣ пришлось извиниться передъ В., а онъ, выслушавъ извинешіе, сказалъ:

— Ваше сіятельство, вы теперь сами изволили убѣдиться, что мои враги взвели на меня гнусное обвиненіе. Вполнѣ убѣжденъ, что вы доложите объ этомъ государю. Что же касается до меня лично, то послѣ того, какъ меня могли заподозрить въ безчестномъ поступкѣ, я болѣе продолжать службу не въ состояніи. Завтра же буду имѣть счастіе представить его величеству прошеніе объ отставкѣ».

«Когда В. вышелъ, я потребовалъ агента и, какъ только онъ явился, я его спросилъ, отчего онъ не предупредилъ жандармскаго офицера о томъ, что В. не взялъ взятки.

«При этихъ словахъ, лицо агента покрылось мертвенной блѣдностью.

— Какъ не взялъ?!—вскричалъ онъ.—Онъ положилъ пакетъ въ боковой карманъ. На радостяхъ угостилъ меня шампанскимъ и самъ заплатилъ по счету».

«Я вызвалъ къ себѣ арестовавшаго В. офицера, полагая, не выбросилъ ли онъ конвертъ. Офицеръ честью завѣрилъ, что ничего подобнаго не было.

«До сихъ поръ не знаю, кто меня одурачилъ,—сказалъ графъ.— Скорѣе склоненъ предполагать, что В. куда-нибудь успѣлъ спрятать деньги. Агента, несмотря на его мольбы, пришлось уволить, а жаль бѣднягу: онъ семейный человѣкъ и труженикъ».

Послѣ разсказа графа Бенкендорфа прошло болѣе года, а дѣло о 20 тысячахъ не было выяснено.

Еженедѣльно, по вторникамъ, собирались къ графу по вечерамъ самые близкіе къ нему люди и очень весело проводили время. Хозяинъ, радушный хлѣбосолъ, въ интимномъ кружкѣ не любилъ никакихъ церемоній и, несмотря на занимаемое имъ выдающееся положеніе, держалъ себя просто и безъ всякой важности.

Вотъ, въ одинъ изъ этихъ вторниковъ, графъ, обращаясь къ къ моему отцу, сказалъ:

— А вѣдь мой агентъ оказался ни въ чемъ неповиннымъ. Я его вновь принялъ на службу, а чтобы исправить свою ошибку, далъ ему награду, равносильную потерянному имъ содержанію, за время вынужденнаго нахожденія въ отставкѣ.

«Вотъ въ чемъ заключался фортель В.:

«Получивъ отставку, огорченный агентъ долго не могъ придти въ себя. Онъ никакъ не могъ понять, куда дѣвались деньги. Ломая голову надъ этой загадкой, онъ неожиданно припомнилъ одно обстоятельство, совершенно отъ него ускользнувшее. Когда былъ переданъ пакетъ, то В., вмѣсто того, чтобы положить его въ карманъ, небрежно бросилъ его въ свою шляпу. Немного погодя, слуга, подававшій завтракъ, по неосторожности, ее уронилъ. В. прочелъ ему нотацію и, приказавъ вычистить шляпу, сказалъ: «Не потеряй только пакетъ съ докладомъ». Весьма возможно, что слуга, увидѣвъ, что въ конвертѣ деньги, прикарманилъ ихъ, а взамѣнъ положилъ бумагу. Догадаться объ этомъ В. не могъ, потому что, отдавъ деньги за завтракъ, онъ положилъ конвертъ въ боковой карманъ. Если это предположеніе справедливо, то слуга, совершивъ кражу, спасъ В., а агента погубилъ.

«Придя къ этому заключенію, агентъ тотчасъ отправился въ ресторанъ, но подававшаго завтракъ лакея въ немъ не нашелъ. Изъ разспросовъ оказалось, что бывшій слуга недавно получилъ вольную отъ своего барина и пріобрѣлъ въ собственность трак-

тиръ. Это еще болѣе убѣдило агента въ справедливости его подозрѣній. Но каково же было удивленіе пострадавшаго, когда на его вопросъ, чей онъ былъ крѣпостной, ему сказали, что помѣщика В... Не теряя времени, онъ бросился разыскивать трактирщика.

«Оказалось, что хозяинъ уѣхалъ на родину и вернется черезъ три мѣсяца.

«По возвращеніи его въ Петербургъ,—ужъ не знаю, при помощи какихъ ухищреній,—агенту удалось добиться полнаго сознанія.

«Бывшій слуга не былъ воромъ. В. помѣстилъ своего камердинера, въ честности котораго былъ убѣжденъ, въ ресторанъ Мишеля. Его баринъ очень часто приходилъ туда завтракать и съ нимъ постоянно являлись все новыя лица. На обязанности слуги лежало ронять шляпу барина, если онъ замѣтитъ въ ней пакетъ. Послѣ этого, онъ относилъ ее чистить, пакетъ бралъ въ свой карманъ и замѣнялъ другимъ. По закрытіи ресторана, онъ отправлялся къ В. и отдавалъ спрятанное, а взамѣнъ получалъ другой пакетъ. Послѣ выхода В. въ отставку, баринъ поблагодарилъ его за вѣрную службу и выдалъ вольную.

«Такимъ образомъ, ловкій дѣлецъ, изъ предосторожности, дома взятокъ не бралъ, а изъ ресторана, получивъ вознагражденіе, выходилъ съ пустыми карманами.

«Вызванный мною трактирщикъ вполнѣ подтвердилъ признаніе. Несмотря на это, я отказался отъ мысли возбудить противъ В. преслѣдованіе, не имѣя твердыхъ данныхъ. Слава Богу, что хотя выжили этого ловкаго взяточника, хотя это удовольствіе мнѣ обошлось очень дорого,—закончилъ графъ Бенкендорфъ свой разсказъ.

II.

О деспотизмѣ графа Муравьева-Амурскаго разсказывали цѣлыя легенды. Въ сущности, эти разсказы были значительно преувеличены и выходили изъ лагеря его противниковъ, старавшихся какъ-нибудь повредить графу за то, что онъ былъ облеченъ громадною властью, которой не пользовался ни одинъ генералъ-губернаторъ.

Мой родной братъ, по окончаніи курса въ императорскомъ лицеѣ, былъ отправленъ въ Иркутскъ курьеромъ. Ознакомившись съ личностью графа, о которомъ онъ въ Петербургѣ наслышался ужасовъ, и убѣдившись въ ихъ полной неосновательности, братъ остался при графѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Графъ Муравьевъ былъ типъ русскаго вельможи. Безусловно честный, онъ всею душою ненавидѣлъ взяточниковъ и, дѣйствительно, всѣ злоупотребленія преслѣдовалъ съ безпощадной строгостью. Если кто нибудь обращался къ нему съ какой бы то ни было нуждою,

графъ приказывалъ наводить справки и, когда онѣ подтверждали просьбу, всегда оказывалъ щедрую помощь. Назначенный императоромъ Николаемъ Павловичемъ Амурскимъ генералъ-губернаторомъ, съ неограниченными полномочіями, графъ далъ слово, оправдать довѣріе обожаемаго имъ монарха. Онъ хорошо зналъ, что ѣдетъ въ ту мѣстность Россіи, въ которой творится такой произволъ, такое безпощадное взяточничество, что необходимо имѣть желѣзную силу воли, чтобы, хотя отчасти, оградить жителей отъ ненасытнаго аппетита мѣстныхъ чиновниковъ.

Съ новымъ генералъ-губернаторомъ поѣхало много бывшихъ воспитанниковъ лицея и правовѣдѣнія. Золотая молодежь мечтала, что, состоя при графѣ, она будетъ жить въ свое удовольствіе въ Иркутскѣ и получать за это награды. Ихъ разсчеты оказались ошибочны. Графъ убѣдилъ ихъ, что, ради народнаго блага, они должны занять мѣста становыхъ, исправниковъ и тюремныхъ смотрителей.

Вновь назначенные чиновники, какъ люди съ высшимъ образованіемъ, сразу внесли въ полицейскую службу безусловную порядочность, и въ ихъ районахъ взяточничество уже не имѣло мѣста.

Къ несчастью, всѣ эти должности не могли быть ими пополнены, да и, кромѣ того, эти новые полицейскіе чиновники, привыкшіе къ удовольствію и комфорту, старались перейти на службу въ Петербургъ. Чтобы судить о произволѣ, который царилъ въ этомъ отдаленномъ краѣ, приведу слѣдующій фактъ.

Въ Иркутскѣ проживалъ извѣстный милліонеръ, исключительно разбогатѣвшій на казенныхъ подрядахъ. Простой мужикъ, умѣвшій только подписать свою фамилію, онъ держалъ въ рукахъ не только администрацію, но и суды, которымъ посылалъ форменные приказы. Если бы во время ревизіи генералъ-губернатора они не попались бы графу въ руки, трудно было бы повѣрить такому ненормальному явленію. Вотъ надъ этимъ-то богачемъ и самодуромъ пришлось генералъ-губернатору показать примѣръ строгости.

Купецъ былъ поставщикомъ мѣстныхъ войскъ этапныхъ командъ. Однажды, пришелъ этапъ въ Иркутскъ, но почему-то пища для людей не была подготовлена. Этапный начальникъ, въ чинѣ подпоручика, лично отправился къ поставщику, игравшему у себя со своими гостями въ карты. Доложили.

Выходитъ лакей и передаетъ офицеру лаконическій приказъ поставщика: «Обождать».

Проходитъ часъ времени. Видя, что купецъ не выходитъ, офицеръ, безъ доклада, вошелъ въ залъ, въ которомъ находился хозяинъ.

— Мои люди голодны,—сказалъ онъ,—пройдя 30 верстъ пѣшкомъ, нельзя же имъ въ теченіе сутокъ ожидать, пока вы отпустите провіантъ.

Услыхавъ эти слова, купецъ набросился на офицера, перечислилъ весь лексиконъ самыхъ грубыхъ ругательствъ и, въ довершеніе, приказалъ лакеямъ вытолкать его вонъ.

Оскорбленный до глубины души, офицеръ прямо отправился къ графу Муравьеву и разсказалъ ему прискорбное столкновеніе съ купцомъ.

Выслушавъ донесеніе, генералъ-губернаторъ, блѣдный отъ негодованія, приказалъ двумъ жандармамъ немедленно доставить ему милліонера.

Богачъ, часто ѣздившій въ Петербургъ и имѣвшій кой-какія связи, смѣло предсталъ передъ грозныя очи администратора, причемъ лѣвую руку положилъ въ карманъ.

— Жандармъ, поправь руку купцу,— приказалъ графъ, что и было сейчасъ исполнено.

— Какъ ты смѣлъ оскорбить офицера?

— Погорячился малость, ваше сіятельство, ну, да это не бѣда, заплачу за обиду.

При этихъ словахъ графъ окончательно вспыхнулъ.

— Ну, такъ вотъ тебѣ моя резолюція: завтра въ 12 часовъ, на торговой площади, въ присутствіи войска, ты на колѣняхъ долженъ вымолить прощеніе у этапнаго начальника. Если ты на это не изъявишъ согласіе, то немедленно будешь разстрѣлянъ, а потомъ пусть меня судитъ государь. Выбирай!

Купецъ предпочелъ колѣнопреклоненіе—смерти.

На другой день, съ ранняго утра, угнетенный богачемъ народъ повалилъ на площадь смотрѣть невиданное зрѣлище. Тотъ гордецъ, предъ которымъ мѣстныя власти гнули спины, будетъ на колѣняхъ молить пощады у подпоручика. Да развѣ это возможно?

При самой торжественной обстановкѣ, среди войска и массы народа, гордый своими милліонами купецъ, стоя на колѣняхъ, выпросилъ прощеніе.

Послѣ этого инцидента, всѣ трепетали при имени графа, а богачи убѣдились, что не все на свѣтѣ покупается.

Пожарная команда до назначенія графа находилась въ самомъ жалкомъ состояніи. Некормленныя лошади едва волочили ноги, а пожарные, изъ мѣстныхъ войскъ, одинаково голодные, какъ и ввѣренные имъ кони, имѣли жалкій видъ.

Назначенный графомъ «лихой полицеймейстеръ» скоро привелъ все въ порядокъ. Люди и лошади стали получать не только назначенный имъ паекъ, но даже излишекъ изъ суммъ начальника полиціи.

Въ скоромъ времени быстрота, съ которою выѣзжала пожарная команда, была просто изумительна. Для достиженія этой цѣли полицеймейстеръ, подполковникъ Д., прибѣгалъ къ крутому способу.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ дѣлалъ очень часто тревоги. Первый изъ пожарныхъ, выскакивавшій по тревогѣ, получалъ въ награду рубль, послѣдній—десять розогъ.

Д. былъ очень любимъ генералъ-губернаторомъ за его безусловную честность и обожаемъ подчиненными.

По воскреснымъ днямъ у графа Муравьева-Амурскаго происходили торжественные выходы, на которыхъ присутствовали всѣ служащіе въ мундирахъ и только лицеисты и правовѣды во фракахъ.

На одномъ изъ такихъ выходовъ генералъ-губернаторъ быстро подошелъ къ одному изъ мелкихъ чиновниковъ своей канцеляріи, Крюкову, о которомъ ему сообщили, что онъ взялъ взятку.

— Вы осмѣливаетесь производить у меня въ канцеляріи поборы,—грозно сказалъ графъ:—такъ знайте, что за это я васъ въ каторгу сошлю!

При этихъ словахъ Крюковъ страшно поблѣднѣлъ, но взглянулъ смѣло въ глаза начальнику и громко и отчетливо произнесъ слѣдующее:

— Ваше сіятельство, насколько мнѣ извѣстно, еще до сихъ поръ Крюковыхъ на каторгѣ не было, а Муравьевы были.

Сказавъ это, онъ вышелъ изъ залы.

Всѣ замерли. «Пропалъ несчастный», подумалъ мой братъ, любившій молодого человѣка. Графъ быстро направился къ кабинету, выпилъ стаканъ воды и, снова выйдя въ залъ, крикнулъ:

— Жандармы! вернуть Крюкова!

Когда его ввели, генералъ-губернаторъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Прости меня, Крюковъ; вижу, что меня ввели въ заблужденіе. Человѣкъ, который осмѣлился мнѣ сказать то, что ты мнѣ сказалъ, не можетъ быть взяточникомъ.

Послѣ этихъ словъ графъ обнялъ его и поцѣловалъ.

Муравьевъ не ошибся; произведенное дознаніе выяснило, что Крюковъ былъ идеально честный чиновникъ, но въ виду того, что онъ, не бравъ самъ взятокъ, мѣшалъ брать другимъ, его и подвели.

Виновники были подвергнуты строгому наказанію, а Крюковъ пріобрѣлъ у графа неограниченное довѣріе. Къ несчастью, онъ былъ слабогрудый и, несмотря на это, пилъ стаканами спиртъ. Когда у него сдѣлалась скоротечная чахотка, графъ ухаживалъ за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ, а послѣ его смерти на свой счетъ устроилъ торжественныя похороны.

Гдѣ же здѣсь безсердечность, въ которой обвиняли завистники Муравьева?

Однажды графу пришлось уѣхать въ Петербургъ по дѣламъ службы. Въ Иркутскѣ прошелъ слухъ, что онъ уже болѣе не вернется въ Сибирь.

Одинъ изъ молодыхъ купчиковъ, сынокъ богача, вскорѣ послѣ отъѣзда графа также отправился въ Петербургъ. Услыхавъ подтвержденіе этого слуха, онъ явился къ графу и былъ имъ принятъ. Войдя въ кабинетъ съ полной развязностью, онъ первый протянулъ графу руку и, не ожидая приглашенія сѣсть, развалился въ креслѣ. Подобное безцеремонное отношеніе хотя и покоробило хозяина, но онъ и вида не подалъ.

— Я слышалъ, ваше сіятельство, что вы къ намъ больше не вернетесь. Жаль, мы къ вамъ привыкли.

Графъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло, и не сталъ разубѣждать незваннаго гостя. Продолжая разговоръ въ очень свободномъ тонѣ, купчикъ безъ церемоніи взялъ со стола сигару и закурилъ ее. Потомъ, простившись съ графомъ, онъ наконецъ уѣхалъ отъ него.

Прошелъ еще мѣсяцъ, и графъ, окончивъ дѣла, возвратился въ Иркутскъ. На другой день онъ послалъ полицеймейстера пригласить къ себѣ петербургскаго гостя. Едва передвигая отъ страха ноги и дрожа какъ въ лихорадкѣ, купчикъ переступилъ порогъ генералъ-губернаторскаго кабинета. Графъ очень радушно его встрѣтилъ, усадилъ въ кресло и предложилъ сигару. У несчастнаго холодный потъ выступилъ на лбу, и онъ такъ растерялся, что зажженнымъ концомъ положилъ сигару въ ротъ.

Видя полную растерянность купчика, графъ простился съ нимъ очень дружелюбно, и молодой человѣкъ, за свое нахальство испытавъ такой страхъ, долго не могъ позабыть муравьевской сигары.

Не могу не упомянуть еще о великодушіи графа. Въ одномъ изъ мѣстныхъ батальоновъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ казначеемъ состоялъ поручикъ С...., семейный человѣкъ. Это былъ добрякъ, какихъ мало можно встрѣтить.

Къ его несчастью, ротный командиръ проигралъ въ карты 500 руб. и, не имѣя возможности уплатить проигрыша изъ своихъ средствъ, затратилъ казенныя деньги. Такъ какъ взятая имъ сумма была необходима для покупки провіанта и выдачи солдатамъ жалованья, то онъ и попросилъ казначея спасти его отъ позора и суда. Добрякъ, также не имѣя средствъ, выдалъ ихъ изъ полкового ящика, надѣясь въ теченіе двухъ мѣсяцевъ пополнить сумму. Какъ на грѣхъ, былъ совершенно неожиданно назначенъ инспекторскій смотръ. Несчастный казначей, спасая товарища, долженъ былъ самъ идти подъ судъ. Спасенія не было, и несчастный рѣшился пустить себѣ пулю въ лобъ.

Жаль ему было покинуть жену и ребятишекъ, но, чтобы избѣжать позора, не было другого исхода. Вдругъ его озарила мысль отправиться къ грозному графу Муравьеву, открыть ему всю правду, просить не покинуть несчастную семью, а потомъ покончить съ собою.

Явившись къ главному начальнику, онъ сказалъ ему всю правду. Каково же было удивленіе казначея и его радость, когда графъ, прочитавъ ему строгую нотацію, поблагодарилъ за довѣріе и вручилъ 500 руб.

Обращеніе графа съ политическими преступниками было болѣе, чѣмъ гуманно: они пользовались полною свободою, а между тѣмъ завистники и клеветники распускали слухъ, что онъ ихъ наказываетъ розгами.

И. Н. Пономаревъ.